

Е.В. Почеревин

Отношение крестьян Западной Сибири к государственным органам управления и чиновникам в начале XX в.

Высшим государственным органом управления в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. на уровне губернии было Общее присутствие губернского управления, председателем которого являлся сам губернатор. Оно осуществляло общий контроль над крестьянскими начальниками и уездными съездами крестьянских начальников. Общее присутствие утверждало некоторые наиболее важные приговоры крестьянских обществ, постановления уездных съездов, рассматривало жалобы крестьян на решения этих съездов. При Канцелярии губернского управления среди других структур важное место занимало Отделение по крестьянским делам, которое и вело всю деловую переписку с нижестоящими отделами. Туда же направлялись и крестьянские жалобы.

С губернской властью крестьяне сталкивались чрезвычайно редко. Единственным связующим звеном между крестьянством и губернатором могли стать просьбы или жалобы, направляемые в губернские инстанции. Множество таких материалов, относящихся к концу XIX – началу XX в., отложилось в Государственном архиве Томской области (ГАТО), в фондах Томского губернского управления.

Основная масса прошений губернатору подавалась от имени отдельных крестьян, а не сельских обществ. Частные жалобы являются в данном случае показателем того, что из массы крестьян выделяются отдельные индивиды, способные отстаивать свои личные, а не групповые, общинные интересы. Соответственно, можно сделать вывод о наличии такого рода индивидуальных интересов. Обращения крестьян в еще более высокие инстанции (Сенат) крайне редки.

Губернская власть для крестьян являлась самой высокой «реальной» властью. Петербург приравнивался к «тридцатому царству» и был абсолютно недоступным. Поэтому даже «общение» с властью губернского уровня было для крестьян делом неординарным. Крестьянами мифологизировался уже этот уровень власти. Народная молва приписывала губернатору несуществующие полномочия. Это ярко иллюстрирует следующий пример. Крестьянин с. Ново-Смоленское Верх-Ануйской волости в своей жалобе обвинял сельского писаря в превышении власти. Якобы, писарь угрожал револьвером, грозил перестрелять участников схода, заявляя, что «это право ему предоставлено господином томским губернатором» [1, л. 4–6].

В Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях и в Забайкальской области уездная адми-

нистративная власть находилась в руках крестьянских начальников. Каждый уезд делился на несколько участков, подведомственных этим чиновникам.

Положение о крестьянских начальниках, введенное в Сибири в 1898 г., хотя и называлось «временным», просуществовало до 1917 г. Этот институт являлся подобием института земских начальников Европейской России, однако с некоторыми особенностями. К числу таковых относится назначение крестьянских начальников не из местных дворян – землевладельцев, поскольку их не было, а просто из лиц, получивших высшее или среднее образование. Причем в Томской и Тобольской губерниях их назначение производилось министром внутренних дел. На них возлагалось, говоря словами закона, «попечение о хозяйственном благоустройстве и нравственном преуспевании крестьян» [2, с. 91]. Они следили за всем крестьянским общественным управлением. Крестьянские начальники имели право проводить ревизии волостных и сельских управлений и волостных судов, предлагать на обсуждение волостных сходов вопросы, которые считали нужными. Чиновники имели право контроля над мирскими капиталами, сельскими кредитными учреждениями и крестьянскими опекунами, а также могли рассматривать все приговоры волостных и сельских сходов, отменять их, если они не согласовывались с законами, «клонились к явному ущербу сельского общества» или нарушали законные права отдельных лиц. Крестьянские начальники обязаны были следить за действиями должностных лиц крестьянского управления, волостными и сельскими писарями, которых могли даже отстранять от должности, а за незначительные проступки подвергнуть их аресту до семи дней или штрафу до 5 руб. К числу административных функций крестьянских начальников относилось поземельное устройство крестьян и инородцев, устройство переселенцев, исполнение поручений губернских правлений, наблюдение за продовольственными, пожарными, санитарными и школьными делами, контроль над отбыванием дорожной повинности.

Несмотря на то, что в Сибири уже были введены судебные уставы для крестьян, на крестьянских начальников возлагались также судебные функции. Кроме ревизии волостных судов и рассмотрения их решений крестьянские начальники самостоятельно разбирали споры, касающиеся найма на сельскохозяйственные работы, арендных договоров без нота-

риального оформления, использования крестьянских наделов в случае, если обе стороны или ответчик подведомственны крестьянскому управлению [2, с. 92].

Крестьянские начальники имели право подвергать крестьян аресту до трех дней или штрафу до 15 руб. за неисполнение законных распоряжений и требований их самих или других властей, за нарушения общественной тишины или за грубость властям. Как апелляционная инстанция, крестьянский начальник мог рассматривать дела с исками до 10 руб., а вот дела на более значительные суммы передавались уездному съезду крестьянских начальников [3, с. 40–44]. Съезды утверждали некоторые приговоры сельских сходов, рассматривали жалобы крестьян на решения и постановления крестьянских начальников, могли определять размер жалования должностных лиц крестьянского управления, если общество не назначило им достаточного вознаграждения. На съездах решались общие вопросы, затрагивающие жизнь всего уезда.

По своему усмотрению крестьянские начальники могли созывать съезды волостных старшин и писарей своего участка. Как отмечал современник, эти съезды представляли собой пустую формальность. «Вопросы здесь возбуждаются почти исключительно самим председателем съезда, да одним же им и разрешаются» [4, с. 58–59]. Но иногда бывали исключения, и съезд становился местом обсуждения серьезных проблем общественной жизни уезда.

В архивах можно обнаружить массу сведений, иллюстрирующих деятельность чиновников, а также материалы, характеризующие отношение самих крестьян к этой деятельности. В 1902 г. крестьянин д. Семиклинской Вознесенской волости Каинского уезда подал жалобу в губернское управление на крестьянского начальника, который обвинялся сразу в нескольких «неправильных действиях», таких как «упразднение земской ямской станции, исключение просителя из списков нуждающихся в продовольствии и оштрафование его на 15 руб. за то, что подал жалобу губернатору» [5, л. 284]. Члены губернского управления решили постановление о взыскании штрафа отменить, остальные пункты «оставить без последствий». Только в одном архивном деле за 1915 г. содержится несколько жалоб на крестьянского начальника — на оскорбление, неправильный штраф, несправедливый арест [6, л. 8, 28, 84, 351]. Яркой иллюстрацией отношения народа к крестьянскому начальнику служит анонимная жалоба, поданная в губернское управление на «невыходу старостой солдатского пайка солдаткам». Староста преступно бездействует, а чиновник не отдает его под суд — вот основной лейтмотив этого послания. «Крестьянскому начальнику... не хватает времени смотреть за крестьянскими делами. Он только проводит время со своей сожительницей» [6, л. 375]. Так анонимный жалобщик отзывается о деятельности должностного лица.

Произвол чиновников не всегда оставался безнаказанным. Крестьяне пытались отстаивать свои интересы, используя для этого не только пассивное сопротивление, но и прибегая к активным мерам. Жители д. Красноярской Ново-Романовской волости Бийского уезда в жалобе на волостного старшину предупреждают крестьянского начальника о том, что если требования не будут удовлетворены, «...мы будем вынуждены обратиться к высшему начальству» [7, л. 2]. Иногда крестьянам удавалось «найти управу» на незаконные действия властей. В 1914 г. переселенческий чиновник оштрафовал двух крестьян за грубость по отношению к волостному писарю. После их обращения в губернское управление, решение чиновника было отменено [8, л. 400]. Или, например, в 1917 г. крестьянин д. Гутово Кайлинской волости Томского уезда жалуется в губернское управление на крестьянского начальника, который вынес слишком малое, по мнению жалобщика, наказание волостному писарю [3, л. 200]. Мы видим примеры противодействия чиновничьему произволу со стороны сельских обществ и отдельных крестьян.

Начальники, имея большие территориальные участки и массу административных обязанностей, практически были лишены возможности исполнять судебные функции, тем более что в земельных делах приходилось прилагать много усилий, наводить множество справок и проводить многочисленные опросы. Поэтому чиновники либо уклонялись от этого, либо их решения носили волюнтаристский характер.

Крестьянские начальники в Сибири назначались сверху, и нередко это были люди случайные, не заботящиеся о благосостоянии своего участка, которые по окончании срока исполнения должностных обязанностей покидали пределы губернии. Кроме того, эти чиновники содержались за счет земских сборов, а не из общегосударственной казны, что тоже сказывалось на отношении к ним местного населения. Общее недовольство крестьянства деятельностью крестьянских начальников, их некомпетентностью и слабой эффективностью работы убедительно показано И.В. Островским [8, л. 242–250].

Кроме крестьянских начальников народу приходилось контактировать с целым рядом представителей государственной власти. Например, одним из важнейших ведомств была казенная палата. Эта организация существовала с 1775 по 1917 г., являясь хозяйственно-финансовым учреждением, подведомственным министерству финансов, в частности осуществляла сбор налогов и ведала делами по подрядам. В 1885 г. при казенных палатах образуются губернские податные присутствия. Уездные податные присутствия учреждались под председательством податного инспектора для наблюдения за правильностью торговли, а также для обнародования доходности облагаемых

имуществ. К Томской казенной палате было отнесено семь участков податных инспекторов [10, с. 111].

С 1862 г. учреждено акцизное управление в Омске для Тобольской и Томской губерний [10, с. 72]. В 1863 г. в Томской и Тобольской губерниях были введены временные лесные правила, которые возлагали дополнительные обязанности по охране лесов на казенные палаты и окружных исправников. Однако их деятельность не была успешной, на протяжении многих десятилетий продолжалось хищническое истребление лесов [11, с. 47–49]. Более эффективно стала действовать лесоохрана после проведения ряда преобразований, начатых в 1911 г. [12, с. 83–86]. Крестьяне часто конфликтовали с объездчиками и другими представителями лесной стражи. В частности, газетный материал даёт нам сведения о недовольстве крестьян действиями лесничих и объездчиков. Здесь и незаконные штрафы, якобы за самовольную порубку леса, и неоправданная конфискация у крестьян валежника, и другие претензии [13].

Когда в губернии была развернута поземельно-устроительная деятельность, крестьянам пришлось общаться с землемерами, начальниками контор и т.д. Работы велись в несколько этапов, начиная с измерительных работ и проектирования участков. Далее проекты вручались для ознакомления населению и рассматривались в поземельно-устроительных комиссиях. После их утверждения производилось размежевание, установка межевых знаков и выдача

крестьянам отводных записей [14, с. 91]. Крестьянство видело в землеустроительной практике угрозу для целостности общинных владений. Во многих случаях крестьяне отказывались принимать отводную запись. Около 10% населения, подвергнутого земельным переделам, выражало своё недовольство путем подачи жалоб, гораздо меньше – вооруженным сопротивлением [15, с. 70]. Свое неприязненное отношение к самому процессу межевания крестьяне переносили на производителей топографических работ [16]. О значительном количестве нарушений крестьянами в сфере лесного хозяйства говорит обильная переписка по этому поводу различных органов губернской и уездной власти (см.: [17]).

Правящие круги во второй половине XIX в. считали власть в Сибири ниже губернского уровня малоэффективной ввиду немногочисленности кадрового состава полиции и государственных чиновников.

Стремление вырваться из-под контроля чиновников подчеркивает традиционное желание крестьян отгородиться от властных структур, чтобы самостоятельно решать собственные проблемы. С другой стороны, государство, расширяя сферу своего влияния, стремилось все более жестко контролировать сельскую общину. Столкновение двух этих тенденций отчетливо наблюдалось в сибирской деревне в конце XIX – начале XX в., примером чему служат рассмотренные нами непростые взаимоотношения крестьян и крестьянских начальников.

Библиографический список

1. Центральное хранилище архивных фондов Алтайского края (ЦХАФ АК). – Ф. 184. – Оп. 1. – Д. 161.
2. Соболев, М. К вопросу о реформе крестьянского управления в Сибири / М. Соболев // Сибирские вопросы. – 1905. – №1.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). – Ф. 3. – Оп. 44. – Д. 4267.
4. Материалы для библиографии Алтая // Алтайский сборник. – Томск, 1894 – Т. 1. – Вып. 1.
5. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 45. – Д. 561.
6. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 44. – Д. 4206.
7. ЦХАФ АК. – Ф. 184. – Оп. 1. – Д. 202.
8. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 44. – Д. 4181.
9. Островский, И.В. Аграрная политика царизма в Сибири в период империализма / И.В. Островский. – Новосибирск, 1991.
10. Власть в Сибири XV – начало XX вв. – СПб., 2005.
11. Смирнова, Т.А. К вопросу об управлении лесами

Западной Сибири / Т.А. Смирнова // Вопросы историографии, истории и археологии. – Омск, 1996.

12. Тяпкин, М.О. Лесная стража Алтайского округа в 1911–1917 гг. / М.О. Тяпкин // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX вв.). – Новосибирск, 2002.

13. Жизнь Алтая. – 1912. – 21 марта.

14. Когут, М.Т. Переселенческое движение и поземельное устройство сибирских крестьян в годы столыпинской аграрной политики / М.Т. Когут // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма. – Новосибирск, 1991.

15. Шиловский, М.В. Особенности поведенческих стереотипов сибирских крестьян во второй половине XIX – начале XX вв. / М.В. Шиловский // Сибирская деревня: проблемы истории. – Новосибирск, 2004.

16. Жизнь Алтая. – 1912. – 23 июля.

17. ЦХАФ АК. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 3367.